
Так хрупко, но так сладостно дышать,
хранить в себе грядущее, как будто
ещё не народившуюся букву
в строфе своей, по имени душа.

Сплетать слова, не расплетая рук,
и не смыкая глаз баюкать чудо,
в тот самый миг, когда твой сон так чуток,
а первый лист так зелен и упруг.

Парить над грузным миром, вопреки
всем мыслимым и видимым законам,
и с высоты легко кивать знакомым,
крыла, не подавая и руки,

но их, благословляя каждый шаг,
то солнечным лучом, то ливнем летним,

смывая без следа любые сплетни
водой святой из лунного ковша.
И быть, как воздух - легкой и живой,
и быть, как ночь-святой и вечно юной,
вбирать прохладу в лёгкие июня,
ладони наполняя синевою

морской, смотря на облачный гавот,
сквозь занавес дождя волной обвитый,
и не держать ни злости, ни обиды
ни на кого.

Красно солнышко,
пёстро платьеце,
ухнет совушка -
день закатится,

Переменится
явь на вымысел,
смелет мельница
горе, вымесит

в кадке зарево
тесто постное.
Море залило
берег полностью,

бирюзовые
лужи-храмины.
Слышу зовы я
чаек раненных,

недолеченных,
и всеведущих,

недалече нам
до их бедушек,

до их вечности,
до их слабостей.
В летнем вечере
столько сладости

слов, и девственна
ночь-пророчица,
и как в детстве мне
плакать хочется.

Помнишь, как прежде, Господи, я просила,
дать мне смирение, дать мне такие силы,
чтобы любовь прочесть из конца в начало,
только молчал во мне ты, и я молчала.

Помнишь, как почуяв мою усталость,
жизнь однажды оставить меня пыталась,
чтобы свет во мне как свеча истаял,
только ты тогда меня не оставил.

Помнишь, как я гнала из сердца темень,
и молила тебя: испошли детей мне,
чтобы постигнуть любовь свыше чуда, свыше
райских блаженств, и ты снова меня услышал.

Помнишь, дух, ломая, калеча тело,
вылечить от недуга дитя хотела,
чтобы исцеление стало стартом
жизни его, но мне помогать не стал ты.

Помнишь, было утро дождем залито,
я все пыталась вспомнить слова молитвы,

Чтобы в ковчеге душевном, подобно Ною
жизнь сохранить, а ты плакал и шёл за мною.

Бутон росы качнулся на стебле,
ладонь в ладонь, ладони трав - в тепле,
ладони листьев холодят мне спину,
и грезят звездопадом наяву,
целуя в лоб примятую траву,
и мотылька на краешке люпина.

Скажи откуда холод? Из окна.
К тебе летят мгновения, а к нам
рождественские ангелы и птицы,
похожие на снежные цветы,
и вновь сгорает феникс темноты
с рассветом, чтобы после возродиться

из пепла сна. В сновидческой тоске
ничто не возбраняется, ни с кем
не происходит ни чудес, ни правды.
Уходишь в день, как будто налегке,
и видишь, как по солнечной реке
плывут степенно кучевые рафты,

и ткётся синь, и плещется в груди
волна тепла, а где-то впереди
шумят ветра, и расстаются сосны
с надеждой превратится в корабли,
в тот самый, миг, когда не тороплив
бег времени, а мир ещё не создан.

Без ласточек-туфель, без кед,
вбирающих пляж по крупнице,

смывая следы на песке
волна обращается в птицу,

взмывает в хрустальную высь,
теряя серебряный голос
плакучей июльской травы,
сырого песчаного мола,

и верит, что там, за чертой,
ломающей хрупкие льдины
надежд, разбивает чертог
русалочий - храм лебединый,

и гнётся волна, и хрустит
сухой позвонок горизонта,
и давятся звёзды в горсти
и полнятся лунные соты

серебряным мёдом, со дна,
волны поднимается тесто,
и слышится песня одна
до боли знакомая с детства.

Над полем маковым клубясь,
туманом утренним, спаситель
небес таинственную бязь
переменял на лёгкий ситец,

перестилая сонмы трав,
переплетая сны и росы
рождалась роща из ребра
животрепещущей берёзы,

и в одночасье расплескав
свой голос, таяла певуче

дождевка в чаше лепестка
неотделимого от тучи,

и в полусне сходя с икон
рассветных и лесных полотен,
бежал по полю босиком
июль, что прежде был бесплотен,

беспечен и неуловим,
а нынче вот он - в полушаге
от схода солнечных лавин
на пруд поросший камышами,

от звона листовенных монет,
от снов воспетых соловьями,
где каждый шорох мир во мне,
и вне меня благословляет.